

Журнал Российский колокол

Выпуск 4-2025

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал Российский колокол: Выпуск 4-2025 / – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 376 с.

ISBN 978-5-6055644-0-9

В четвертый выпуск журнала «Российский Колокол» 2025 вошли произведения мастеров современной литературы: проза писателей Владимира Пахомова, Романа Кушнера, Николая Жакобова, Макса Баженова. Завершается публикация романов Дмитрия Необходимова, Евгения Мирмовича и Виктора Трынкина. Поэзия представлена в сборнике стихотворениями Екатерины Грушихиной, Даниила Горюнова, Олега Прусакова, Дмитрия Уханёва, Владимира Фадеева и Николая Калиниченко. Читателей ждет новый рассказ лауреата литературных премий Ирины Ракши. А также ряд критических и литературоведческих статей.



РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

Ежеквартальный журнал
художественной литературы

Издаётся с 2004 года

№ 4 (53)
2025 г.

ISBN 978-5-6055644-0-9

Главный редактор
Максим Замшев

Шеф-редактор
Ольга Грибанова

Рабочая редколлегия
Галина Березина
Ольга Дьяченко
Андрей Щербак-Жуков

Редакционная
и производственная группа

Редакторы
Татьяна Чернова
Елена Наливина
Выпускающий редактор
Дарина Никонова

Корректор
Алексей Гоголев

Компьютерная вёрстка
Геннадий Данилов

Дизайн обложки
Александра Уханёва

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

P76

ISBN 978-5-6055644-0-9

18+

Редакция не рецензирует присланные работы
и не вступает в переписку с авторами.

При перепечатке ссылка на журнал
«Российский колокол» № 4 (53) 2025 г. обязательна.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Учредители — Московская городская организация Союза писателей
России, Фонд «Литературный центр Петра Проскурина».

Издатель — Межрегиональная общественная организация «Интернациональное сообще-
ство писателей, драматургов и журналистов» — «Интернациональный Союз писателей»

Адрес редакции: 107150 г. Москва, ул. Бойцовая, д. 22, офис 8

Телефон редакции: +7 (499) 430-00-89

E-mail редакции: pressa@inwriter.ru

E-mail рекламного отдела: reklama@inwriter.ru

Свидетельство федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-18759 от 9 ноября 2004 года.

Распространяется бесплатно.

Отпечатано в типографии
акционерного общества «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

ISBN 978-5-6055644-0-9

Содержание

Слово редактора	4
Время героев	
Владимир Пахомов. Будьте прокляты... ненавижу!	6
Даниил Горюнов. Я не имею права	21
Дмитрий Необходимов. Город-герой	23
Дмитрий Уханёв. На Аллее Ангелов	122
Евгений Мирмович. Глубже моря	127
Екатерина Грушихина. Над лепестками Вечного огня	151
Олег Прусаков. Я — летописец	168
Роман Кушнер. Женщина	178
Проза	
Виктор Трынкин. Вернулся я на Родину	198
Николай Жакобов. Я здесь	238
Нина Рябова. Тарантас	265
Метафора	
Александра Разживина. Страна чудес	273
Поэзия	
Владимир Фадеев. В ту сторону, где темнота и смерть	298
Маргарита Графова. Иногда не хватает мыслей	308
Николай Калиниченко. Свирель	313
Фантастика	
Макс Баженов. Квалиа.	329
Золотой фонд	
Ирина Ракша. Он был у нас всего лишь раз	346
Литературоведение	
Александр Балтин. К 135-летию Пастернака	349
Владимир Голубев. Лев Толстой в поисках царства Ивана-дурака	357
Литературная критика	
Ольга Камарго. Реальность включает все возможные ситуации вообще... ..	371

Слово редактора



Этим выпуском журнала «Российский колокол» завершается 2025 год. Был он интересным, динамичным, менял приоритеты, подавал надежды, разрушал привычные представления и возвращал веру в лучшее и светлое.

Три года СВО стали для нас новой эпохой. Вы замечали, как изменились мы сами за это время? Сторонникам навязанного нам в 90-е годы благодушного пацифизма пришлось осознать, что добро, чтобы не стать злом, время от времени должно брать в руки меч. И этот меч в наших руках вернул нам те ценности, которые веками ковали из нас великий народ: благородство, милосердие, готовность к подвигу.

И с каждым годом растёт в нас потребность говорить, писать и думать об этом. Рубрика «Время героев» с каждым новым выпуском всё богаче наполняется новыми произведениями в стихах и прозе, чтобы понять эту новую реальность и своё место в ней.

В этом выпуске журнала заканчивается публикация романа Дмитрия Необходимова, посвящённого защитникам Сталинграда. Здесь же вы сможете прочитать вторую часть повести Евгения Мирмовича о судьбах людей в наши военные дни. Не оставят равнодушными рассказы о войне Владимира Пахомова и Романа Кушнера, а также стихотворения Екатерины Грушихиной, Даниила Горюнова, Олега Прусакова, Дмитрия Уханёва.

В рубрику «Проза» вошли рассказ Николая Жакобова о том, как важно сохранить в себе человечность перед лицом смерти, и маленькая добрая повесть Нины Рябовой о людях послевоенной деревни.

Также в этом выпуске мы завершаем публикацию повести Виктора Трынкина о судьбе человека, прошедшего через фашистский плен.

В рубрике «Метафора» читатель встретится с уже знакомым по прошлым выпускам писателем Александрой Разживиной. И снова загадочные образы, неожиданные сюжетные повороты на грани реальности.

Поэтические произведения Владимира Фадеева и Николая Калиниченко, опубликованные в рубрике «Поэзия», порадуют тонкой метафоричностью, глубиной мысли, неожиданным видением мира. Несомненно, заинтересуют читателей своей образностью стихотворения Маргариты Графовой.

По сложившейся традиции добрый друг нашего журнала писатель, киносценарист и публицист поколения 60-х годов, кавалер государственных наград, лауреат многих литературных премий Ирина Ракша представит читателям новый рассказ в рубрике «Золотой фонд».

В рубрике «Фантастика» дебютирует молодой талантливый писатель Макс Баженов. Встречайте рассказ с неожиданными сюжетными поворотами.

И не обойтись литературному журналу без глубоких критических и литературоведческих работ. Представляем читателям статьи Владимира Голубева, Ольги Камарго, Александра Балтина, посвящённые классике и современности.

Новых впечатлений и радостных открытий, дорогие читатели!

*Ольга Грибанова,
шеф-редактор журнала «Российский колокол»,
филолог, прозаик, поэт, публицист*

Будьте прокляты... ненавижу!

(Из старого блокнота)

Владимир Пахомов



Родился 13 апреля 1948 года. В 1971 году окончил ДВПИ г. Владивостока по специальности «геолог».

Эмигрировал в США в 1998 году. Живёт в Нью-Йорке.

Печатается с 2021 года в журналах и альманахах России, Канады, Австралии.

О войне на Западной Украине и последующей ликвидации соединений ОУН-УПА написано много, включая наряду с художественной литературой многотомные исследования, сняты разные по качеству и достоверности художественные и документальные фильмы.

Не будучи историком и не имея ни малейшего желания высказывать неправомерные и, может быть, спорные суждения о том далёком времени, мне хочется представить вам один, казалось бы, совсем незначительный, эпизод той войны.

В основу этого правдивого рассказа положены пересланные мне воспоминания отца одного из моих однокурсников.

Это были ксерокопии листков из старого блокнота с не всегда разборчивыми записями, а иногда просто каракулями.

К сожалению, автора уже не было с нами, и уточнить некоторые подробности я не мог.

То, что мне удалось разобрать, для удобства восприятия я передаю от первого лица.

Конец июня 1944 года. Окрестности города Владимира. Полевой лагерь переформирования 70-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Конец июня 1944 года. Окрестности города Владимира. Полевой лагерь переформирования 70-й гвардейской мотострелковой дивизии.



И вот уже на поверке сухим, надтреснутым голосом старший лейтенант с орденом Красной Звезды и двумя нашивками за ранения выкликает мою фамилию, а старшина с костистым, продублённым ветрами и солнцем лицом неустанно песочит нас, вколачивая в наше 19-летнее сознание премудрости войны.

Как мы боялись, что война закончится без нас, и вот — скоро на фронт! Нам снились лихие атаки: впереди зная, бегущие немцы с поднятыми руками, ну и, конечно, ордена (медали на худой конец).

Моим соседом по казарме был высокий, худенький, нескладный паренёк с веснушчатым лицом. В первый же день я узнал, что зовут его Сева, а фамилия Гольдман и что на фронт он ушёл добровольцем с 3-го курса Московской консерватории по классу рояля, горячо убеждая профессоров и родителей, что его место на фронте. Мы сдружились и вскоре вместе мечтали о фронтовых подвигах.

25 июля эшелон с нашим 207-м гвардейским полком двинулся на запад и на вторые сутки прибыл на какую-то большую станцию. Здесь мы получили оружие, боекомплект, сухой паёк на два дня и в каких-то больших грузовых машинах (американские студебекер — пояснил сидящий у края кузова сержант в ладно сидящей форме) двинулись по разбитой и размокшей колее куда-то дальше.

— Не дрейфь, командиры знают куда, — подбодрил меня тот же сержант. — Впервой, что ли, на передок?

— Куда? — переспросил я.

— Да на передовую же, чудило! Ну ясно, что впервой. Западная Украина это, и ты теперь в составе Первого Украинского фронта как его боевая единица, а вместе с дружком твоим (он кивнул на Севу), я думаю, что вся надежда на вас, — рассмеялся он.

— Да не обижайся, шутка на войне — первое дело, а война без шутки — это как солёнку есть да солёным огурчиком закусывать без водки, не пробовал? И не надо: одно неудовольствие от этого. Да я вижу, что ты с дружкой твоим много чего не пробовали, живую бабу-то, небось, даже за сиськи не держали. (Сева густо покраснел.) Точно ведь? Ладно, пацаны, держитесь меня — не пропадёте. Жоркой меня зовут, с сорок первого воюю, и под Сталинградом был, и под Орлом, и Днепр переплывал на бревне от плота разбитого — и ни одной царапины! Во как! Маманя образ повесила, сказала, ещё от бабушки ей достался. И ещё вот, — он достал из кармана ярко сверкнувшую малиновым лаком губную гармошку, — со Сталинграда у меня, как заиграю — на регулировщиц действует без промаха, как сорокапятка прямой наводкой. Учитесь, пацаны.

Часа через три автомашины остановились, и чей-то зычный голос дал команду выгружаться и строиться в колонны. Вот уже два часа мы месим жидкую грязь, облепившую сапоги, дружно толкаем застрявшие автомашины с боеприпасами, полевые кухни, штабные «виллисы» (пояснил нам Жорка).

А вокруг были следы войны, но не той, что мы видели в ежедневных кинохрониках во Владимире. Разбитые и сгоревшие автомашины, воронки, снаряженные ящики, танк с почти сорванной башней, нелепо торчащие вверх стволы покорёженных орудий, каски и втоптанные в грязь ошмётки одежды, санитарные сумки и обрывки бинтов, полузаваленные траншеи с рядами поваленной колючей проволоки.

— Да не обижайся, шутка на войне — первое дело, а война без шутки — это как солёнку есть да солёным огурчиком закусывать без водки, не пробовал?



И ещё был запах. В пронзительную гарь от сгоревшей резины, масел, бензина и дизтоплива вплеталась незнакомая приторно-удушливая вонь.

— Война так пахнет, — тихо сказал Жорка. — Вот вернёмся и расскажем детям и внукам нашим про всё это. — Он махнул куда-то рукой. — А как про этот запах рассказать? Так и останется с нами, когда война кончится, на всю жизнь, наверное.

К вечеру мы, вымотанные до полумёртвого состояния, наконец дошли до переднего края. После ужина командир роты, в которую мы были зачислены, молодой лейтенант (после училища только, сразу определил Жорка) со всей возможной суровостью, которая так не вязалась с его безусым мальчишеским лицом, объяснил поставленную перед нами боевую задачу:

— Там, где вы прошли сегодня маршем, была передняя линия обороны немцев, а впереди нас — вторая. Прорвём и замкнём кольцо, две дивизии будут в котле. Наша задача — с ходу взять деревню, что перед нами, и с боем идти дальше, на соединение с соседями справа. Разведка донесла: мин впереди нет и в деревне до полуроты солдат противника, две пулемётные точки и траншея между ними в сто двадцать метров. Атака по красной ракете ровно в пять утра. Всем ясно? А теперь отдыхать.

Деревня чуть виднелась на небольшой горке за широким лугом, покрытым густой зелёной травой с россыпью жёлтых, голубых и розовых мелких цветов. Деревня эта была не наша — чужая, с неправдоподобно высокими островерхими крышами, крепкими заборами с воротами. Слева от нас виднелись какие-то развалины.

— Пулемёт там у них, лучше места нету, — пробормотал Жорка, — а второй, наверное, вон на той горушке. И, получается, лужок этот чёртов как на ладони у них и весь простреливается, а лейтенант-то наш от артиллерии отказался, в героя играет, но с ходу-то взять деревню не получится, так-то, пацаны.

Почти сразу после ракеты с той стороны ударили пулемёты. Пули отбрасывали людей на несколько метров, вырывали куски тел вместе с одеждой. Атака захлебнулась, на лугу осталось человек двадцать пять, были слышны крики и стоны раненых.

— На часовне у них МГ-34, а на горушке — МГ-10, судя по звуку, — шептал Жорка. — Оба, если близко, двумя пулями человека разрывают. Но вот что, пацаны, интересно: траншея-то ихняя из наших ППШ шмалает, точно из наших, вообще-то немчура их не уважает, странно как-то...

После второй атаки на лугу осталось ещё человек пятнадцать.

Стоял безоблачный июльский день. С луга доносился медовый запах разогретых трав, стрекотали кузнечики, высоко в небе пел жаворонок, и казалось абсолютно нереальным, что в этих травах лежат бойцы, с которыми ты ещё вчера шёл по грязной дороге и даже не успел познакомиться. И никто не хотел умирать.

В третью атаку рота не поднялась, словно по молчаливому уговору. Огонь, особенно перекрёстный, был такой плотный, что, кажется, и головы поднять нельзя было. Мы лежали рядом с Севкой, вжимаясь сколько можно в пахучую мягкую землю, не глядя друг на друга.

Вместе с животным страхом нас душил стыд, выжимая закипающие на веках злые слёзы. Как же мы, комсомольцы, воспитанные в лучших традициях Страны Советов, не можем преодолеть страх? Как же так? Почему?

К вечеру мы, вымотанные до полумёртвого состояния, наконец дошли до переднего края.



Лейтенант, страшный, с побелевшими глазами и наспех перевязанной левой рукой, без фуражки, метался по траншее с пистолетом в руке:

— Вперёд! В атаку! Ну подымайтесь же! Ну прошу вас, товарищи бойцы... За мной! За Сталина!

Он поднялся во весь свой скромный рост и вскарабкался на бруствер. Я увидел, как вздыбился и отлетел в сторону его погон вместе с куском плеча, а вторая пуля с жутким звуком ударила в развернувшуюся спину, сбросив лейтенанта, как тряпичную куклу, в траншею.

— Спёкся лейтенант, — как-то равнодушно проговорил Жорка. — Да ему и так трибунал: сколько народу положил, а тут «смертью храбрых» напишут, только кому его храбрость нужна.

Командование принял седоусый старший сержант: больше некому было.

— Связь давай, связь, мать твою! — кричал он на связиста. — Хотя все в гроб, вашу мать, а связь мне дай.

— Мировой мужик, — шепнул мне Жорка. — Ещё с Жуковым на Халхин-Голе начинал, а мы с сорок второго, со Сталинграда, вместе, он там майором был, отказался нашу роту в шестую атаку поднимать, ну его и разжаловали в штрафбат, а в сорок третьем под Курском мы снова встретились.

— Жорка! — позвал ротный. — Иди сюда, будешь у меня ординарцем и начальником штаба по совместительству. Что делать-то будем?

— Да нам бы хоть пару залпов артиллерии или танк на полчаса.

— Ну да, как всегда, ты один умный, без тебя знаю. Сюда смотри. — Он кивнул на разостланную на столе карту. — Да хотя ты только игральные знаешь. Тогда слушай: наши справа и слева наверняка в прорыве — я думаю, что километров тридцать уже впереди, связи нет, и рассчитывать нужно только на себя. Остаётся только один вариант, как тогда, в сорок третьем, помнишь? Собери к семи ноль-ноль всех командиров взводов ко мне и санинструкторов — тоже, не могу уже слушать, как раненые кричат там на поле, мать его!

Всё это рассказал нам с Севой Жорка, вернувшись от ротного.

— Не ели ещё? Давай по фронтовой, ничего, пацаны, и не так бывало. — Он вдруг прищурился. — Испугались сегодня, да?

Мы оба кивнули.

— В первом бою-то всегда так, кажется, что все пули в тебя летят, только дурак не боится, я, думаете, не боялся? Да чуть в штаны не наложил. Обвыкнете, а если без геройства (ну, как лейтенант наш), то оно и вовсе не страшно.

Примерно в восемь вечера Жорка вернулся необычайно серьёзный.

— Пацаны, сегодня в четыре утра атака, ну, взводный вам всё объяснит. — Вдруг расплылся в улыбке. — Там такая санинструкторша Тонька, даже я заробел, для неё таких, как ты, Музыкант, троих не хватит, даже если и Кольку (он кивнул на меня) добавить, но если меня ещё позвать, то, может быть, и справимся. Ты что, Музыкант, покраснел, как Первое мая? Погоди, война кончится, мы тебе такую бабу подберём, не чета вашим московским будет. Ты каких уважаешь-то? Я вот больше сисястых, да и Колян, я вижу, тоже.

Я сконфуженно кивнул.

Разбудил он нас часов в одиннадцать ночи. Таким мы его ещё не видели: осунулся весь, ходили ходуном скулы, руки тряслись.

— Вот так, пацаны, санинструкторы вернулись, нет больше раненых, всех ножами фрицы вырезали, всех до одного! — Он замолчал и поднял на нас глаза, полные злобы и ненависти. — Только вот, думаю я, пацаны, не

— В первом бою-то всегда так, кажется, что все пули в тебя летят, только дурак не боится, я, думаете, не боялся? Да чуть в штаны не наложил.



немцы это. Ещё с сорок третьего всегда позволяли мы им раненых забирать, а они — нам, постреливали поверх для виду и острастки, но чтобы ножами раненых! Что-то тут не так. Завтра разберёмся, спать давайте.

Мы не знали тогда, что видим Жорку живым в последний раз.

Перед рассветом взводный приказал нам вести непрерывный огонь по немецким траншеям.

— Чтобы головы не могли поднять. Задача — прикрыть Жорку, он с гранатами ползёт к пулемёту, впереди себя мертвяка толкает, а к горюшке — трое добровольцев из третьего взвода тоже ползут — дай им бог.

— Жорка-то мертвяка ещё с ночи выбрал, полегче который.

На наш огонь зло огрызались пулемёты длинными очередями, а из траншей стреляли как-то вяло: наверное, атаки ждали, что ли...

Шли томительные минуты, и вдруг мы увидели два огненных куста разрыва на месте часовни, и пулемёт замолк! Из травы поднялась знакомая фигура и помахала рукой, только на миг поднялась всего-то. Из-за громкого «ура» почти никто, кроме взводного, не услышал сухого щелчка пистолетного выстрела, как будто ветка сломалась...

Ракета ещё не догорела, а мы уже неслись вперёд, что-то бессвязно крича, не обращая внимания на падающих рядом бойцов, в какой-то небывалой остервенелости. Всё было кончено. Деревня наша! Возле уцелевшего дома бойцы собирали пленных.

Жорки не было видно. Мы бросились к пулемётной точке — возле искорёженного пулемёта лежали... девушки в похужей на немецкую, но не немецкой форме. На рукаве у каждой был ярко-голубой шеврон с золотым львом на задних лапах.

Вокруг густым слоем лежали стреляные гильзы, вскрытые ящики из-под патронов, множество пустых бутылок, пачки сигарет, какие-то пёстрые обёртки, вскрытые консервные банки с яркими наклейками. Две из них были ещё живы. Одна, с окровавленными ногами, вдруг подняла руку с пистолетом.

Раздался пустой щелчок, потом — ещё один, она хрипло рассмеялась:

— Nienawidzic! Nienawidzic!

Вторая, с залитым кровью животом, простонала:

— Daj paroj pic...¹

Несмотря на жару, её бил озноб, лицо было покрыто бисеринками пота, тёмные волосы, выбившиеся из-под фуражки, слиплись.

— Дай фляжку ей, — сказал взводный Севе. — Всё равно недолго осталось.

Сева нагнулся над ней и бережно попробовал поднять голову. Отшвырнув фляжку левой рукой, она выхватила из-под себя нож и косым выверенным ударом располосовала Севе живот слева направо. Ещё ничего не понимающий и даже пока ничего не чувствующий Сева оцепенело вместе с нами смотрел на выползающие сизые внутренности.

Взводный полоснул по девушке короткой очередью. Вместе с пузырящейся, толчками выплескивающейся изо рта кровью она прохрипела:

— Badz przeklet...²

Ракета ещё не догорела, а мы уже неслись вперёд, что-то бессвязно крича, не обращая внимания на падающих рядом бойцов, в какой-то небывалой остервенелости.

¹ Ненавижу! Ненавижу!

Дай воды, пить... (польский)

² Будьте прокляты! (польский)